

Список сокращений

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под общ. ред. академика АН Монголии А. Лувсандэндэва и д-ра филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба. – М.: Academia, 2001.

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка (ГрТур.яз.). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 571 с.

– Гениш Эйюп (Э.Г.). Глагольные формы в турецком языке. – М.: Ленанд, 2005. – 120 с.

Литература

1. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 571 с.

Жамьянова Маргарита Зориктуевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии восточного факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 25, e-mail: mgdaisy9703@mail.ru

Zhamyanova Margarita Zoriktuyevna, candidate of philological sciences, senior teacher of department of philology of countries of Central Asia, Oriental faculty of BSU, Ulan-Ude, Pushkin str., 25, e-mail: mgdaisy9703@mail.ru

УДК 811.531

Д.Б. Жанчипова

КОРЕНЬ КОРЕЙСКОГО ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОГО СЛОВА

В статье рассматривается сложная структура корня корейского символического слова. Указана его главная отличительная особенность, выявляемая в процессе расширения форм, – возможность иметь в своем составе звуко-символический формант.

Ключевые слова: символическая лексика, морфологическое расширение, морфема.

D.B. Zhanchipova

THE ROOT OF THE KOREAN ONOMATOPOEIC WORD

The article is devoted to the complex structure of the root of the Korean symbolic word. Its main peculiarity, identified in the process of expanding the forms, – the ability to have symbolic-sound formants in their composition.

Key words: onomatopoeic word, morphological expansion, morpheme.

Как известно, для ономастической лексики любого языка, в том числе и корейского, характерен не только звуковой символизм, но и символизм форм или, другими словами, символизм на морфемном уровне. Рассматривая символическую лексику с точки зрения процессов словообразования, мы не будем касаться аффиксальных способов, подробно описанных Г.А. Пак, поскольку наша задача – выявить особенности корня ономаста.

Безусловно, основным структурным и лексическим элементом слова является корень. Однако корень символического слова отличается от корня обычной несимволической лексики. Об этом пишут многие исследователи. Так, В. Скаличка в «Исследовании венгерских звукоподражательных выражений» подчеркивает такую особенность ономастов, как «стремление к расплывчатости», невозможность их «точного разграничения или классификации», в отличие от «интеллектуальных незвукоподражательных слов, которые тяготеют к точности, ... проявляют стремление к делению, разграничению, тяготение к определенному классу» [1, с. 117]. Понятно, что эта характеристика ономастов касается морфологических особенностей их корней.

Л. Блумфилд в работе «Типы сочетаний морфем» (на материале английского языка), указывая на сложность морфологической структуры корня, говорит, что наиболее это заметно в символических словах: «...в них мы можем различить систему начальных и конечных корнеобразующих морфем с расплывчатым значением. Совершенно очевидно, что с их структурой ассоциируется интенсивная символическая коннотация» [1, с. 134].

Л.Д. Шагдаров, говоря об особенностях словообразования изобразительных слов, пишет со ссылкой на Г.Д.Санжеева, что «образные слова являются той категорией слов, в которой сосуществуют как флексия основ, так и агглютинация, но... до появления словообразовательных аффиксов образные слова представляли из себя чистые основы. ...Пережитками этого периода являются образные слова-основы, употребляющиеся для характеристики как предмета, так и действия» [3, с. 109].

С.В. Воронин говорит о «сложной словообразовательной структуре корня ономаста» [2, с. 201].

Исследователь японских ономастов С.В. Чиронов полагает, что формальная структура ономастов двухуровневая. Он выделяет «ядро ономаста, в котором сосредоточено фонетическое выражение, передаваемое ономастом образа», и так называемые «формансы – прочие элементы, оформляющие ядро при образовании лексической единицы» [4, с. 52].

Итак, исследователи символической лексики разных языков по-разному называют основной структурный элемент ономаста, но все они сходятся в том, что он отличается от корня обычного незвукосимволического слова.

В корейской морфологии корень ономастопозитического слова рассматривается как единая морфема. Однако следующие примеры заставляют усомниться в такой точке зрения.

1: а) **방글** панъкыл (о красивой, мягкой улыбке), **빙글** пônъкыл (о широкой улыбке), **생글** сэнькыл (о беззвучном (глазами и губами) смехе), **싱글** синъкыл (смеяться укладкой);

б) **어적** ôчôк (чавкать), **집적** чипчôк (дразнить), **뒤적** твичôк (щипать, щупать);

2. а) **방글** панъкыл (мягкая улыбка), **방긋** панъкыт (легкая улыбка), **방실** панъсил, **방싯** панъсит (вежливая улыбка);

б) **가물** камул (смутный, туманный), **가분** кабун (легкий, светлый), **가슬** касыл (упрямый, непокорный).

Несмотря на то, что данные слова традиционно воспринимаются как единое целое, все же это примеры образования слов путем присоединения аффиксов к корням. В первом примере к разным корням присоединены аффикс –**글** кыл и аффикс –**적** чôк. Во втором примере к корням **방**панъ и **가**ка присоединены разные аффиксы. В этой связи представляется верным мнение японских исследователей Кобаяси и Нома о корне корейского ономаста, согласно которому вариативность оттенков значения может достигаться изменением различных элементов исходного «корня» и присоединением новых образований, «наращений». Нарращения представляют собой как отдельные согласные ㄱ/ㅋ/ㆁ/ㄷ/ㅌ/ㄴ/ㄹ/ㄺ/ㄻ/ㄼ/ㄽ/ㅍ/ㅑ/ㅓ/ㅕ/ㅗ/ㅛ/ㅜ/ㅠ/ㅡ/ㅣ/ㅇ/ㅇ, так и слоги [4, с. 51].

Указанные примеры свидетельствуют о продуктивности аффиксального словообразования (корень +аффикс) в корейской лексике. Об этом говорит и наличие достаточного количества символических слов, которые состоят из обычного корня (несимволического) и аффикса.

Действительно, при более тщательном рассмотрении можно выделить корень несимволического глагола или прилагательного:

3.а) **잡죽잡죽** калкчук калкчук (**잡+죽**) «беспорядочно скрести, царапать»; **잡다** калкта «царапать»

б) **거뭇거뭇** кôмыс кôмыс (**검+웃**) «чернеться тут и там»; **검다** кôмта «черный»

в) **구깃구깃** кукис кукис (**구기+ㅅ**) «беспорядочно мять, комкать»; **구기다** кукита «мять, морщить»

г) **녹신녹신** ноксин ноксин (**녹- + 신**) «мягкий, гибкий, податливый»; **녹다** нокта «таять, плавиться»

д) **희끗희끗** хыйккыт хыйккыт (**희- + 꾀**) «беловатый, седоватый»; **희다** хыйта «белый, седой»

Но в современном корейском языке большинство символических корней и аффиксов, которые можно выделить по их участию в процессах словообразования, не выделяется в отдельный класс морфем. Следовательно, официально они не могут участвовать в словообразовательных процессах, и по этой причине трудно выделить в них качества морфемы, а значит, признать их таковыми.

Во многих корейских исследованиях, в соответствии с традиционным мнением о неделимости корней ономастов единицей для анализа символического слова служит само слово. Но проблема в том, что довольно часто обнаруживаются явления, которые заставляют усомниться в верности этой позиции. Рассмотрим один из видов расширения форм.

4.а) **가랑** > **가르랑** каранъ карыранъ (о хрипении, бурлении); б) **드렁** > **드르렁** тырôнь тырырôнь (храпеть); в) **바삭** > **바스락** пасак > пасырак (хруст, треск, шуршание, шелест), г) **쩌렁** > **쩌르렁** ччôръôнь ччôръôнь (звук удара по железному предмету)

Как видим, к краткому ономасту присоединен слог **을**ыл. Таким образом, слово расширилось на один слог. Однако если считать исходные слова единой морфемой, то можно говорить, что слог **을**

внедрился в морфему. Действительно, два элемента, образующие символическое слово, отделены друг от друга: 갈кал + 양ань > 갈кал + 을ыл + 양ань > 가르랑 карырань;

밧пас + 악ак > 밧пас + 을ыл + 악ак > 바스락 пасырак. Этот пример расширения форм доказывает разложимость символических корней. Возможно, это случай, описываемый Ворониным. Речь идет об «итеративных гл аффиксах (инфиксах) в германских, тюркских, самодийских и индонезийских языках, которые восходят к итеративным звуко-символическим формантам, являющимся частью звуко-образительной основы» [2, с.118].

Другой процесс расширения форм свидетельствует о том, что конечный согласный ономотопа можно рассматривать как аффикс.

5. а) 꿀깍 > 꿀까닥 кколккак > кколккатак (звук при глотании); б) 덜걱 > 덜거덕 тôлкôк > тôлкôтôк (стук, грохот); в) 철벽 > 철버덕 чхôлпôк > чхôлпôтôк (шлепанье, плеск)

В этих примерах видно, что между конечным согласным и предшествующей частью звуко-символического слова вставлен слог 더то/다타: 꿀깍 кколккак + ㄱ к > 꿀까 кколкка + 다타 + ㄱ к > 꿀까닥 кколккатак. Таким образом, это еще один пример, доказывающий факт возможности отделения конечного согласного от корня и соответственно делимости корня ономотопа. Можно предположить, что слог 더/다 тоже является звуко-символическим формантом с функцией передачи повторности действия.

Есть и другие примеры, доказывающие отделимость последнего согласного:

б.а) 까르르 ккарыры (звонкий смех), 까르륵 ккарырык (визг, лай)

б) 다르르 тарыры (звук трепещущей на ветру бумаги), 다르륵 тарырык (звук кратковременного трения, катания)

в) 바지지 пачичи (шипение, свистение), 바지직 пачичик (треск при постепенном расщеплении, раскалывании).

В этих примерах видно, что присоединение конечного согласного влечет более существенное изменение значения. Кроме того, ономотопы, имеющие конечный согласный, могут в отличие от слов, не имеющих конечный согласный, образовывать глаголы с помощью аффикса -거리다 – корида, обозначающего однообразно повторяющиеся действия.

귀 밑까지 얼굴을 빨갛게 물들이며 까르르 웃었다.

Кви митх ккачи ôльгур-ыл ппалкакхе мултыримйô ккарыры усôсса

«Она звонко засмеялась, покраснев до кончиков ушей»

속닥거리는 게의 말에 귀 기울이고 있던 청개구리는 까르륵거렸다.

Соктак-кôри-нын ке-ый мар-е кви киуриго истôн чхôнкэгури-нын ккарырык-корйосса

«Прислушивавшаяся к шепоту краба древесная лягушка громко заквакала»

Во втором предложении наличие конечного согласного ㄱ обуславливает образование глаголов. Необходимо указать, что в примерах б мы наблюдаем процесс расширения форм путем удвоения последнего слога, в котором не принимает участия конечный согласный.

까르르.....르륵 ккарыры рырык, 바지지.....지직 пачичи чичик

Как видим, присоединение последнего слога происходит перед конечным согласным, а вся предыдущая часть рассматривается как единое целое. Приведенные выше примеры позволяют нам предположить, что структурные элементы символического слова имеют качества морфемы – имеются доказательства их отделения друг от друга.

Действительно, корейские лингвисты предлагают классифицировать эти структурные элементы как морфемы, продуктивно участвующие в словообразовании, и как морфемы, которые не участвуют в словообразовании активно. Так, исследователь Ко Ёнгын [6, с.27] настаивает на такой классификации, приводя в качестве примера: а) непродуктивные аффиксы типа аффикса 응 унь в слове 지붕 чибунь «крыша». (Их он предлагает называть словообразовательными морфемами); б) аффиксы, подобные аффиксу 개 кэ в слове 덮개 топкэ «крышка», участвующие в образовании новых форм слова (предлагается называть формообразующими морфемами). Такая классификация позволит разделить морфемы в соответствии с их словообразовательной функцией и включить в морфемы элементы, которые можно

вычленил при анализе структуры слова (при разложении слова), что позволит устранить морфологические противоречия, наблюдаемые, например, при образовании форм слова.

Итак, все приведенные примеры убеждают в том, что корень символического слова может быть разделен на составные части. Известный исследователь корейской символической лексики Мартин подчеркивает, что в большинстве корейских ономастов, имеющих более чем один слог, второй слог может считаться деривационным «суффиксом» [4, с.52].

Ли Мунгю предлагает использовать термин «структурный элемент ономатопа» для обозначения составной части корня и дает краткую характеристику этого элемента. Этот термин обозначает морфему, но не имеет ее качеств в обычном понимании. Тот факт, что он отделяется от корня, показывает его смешанный статус элемента, соответствующего аффиксу внутри корня ономатопа. Можно сказать, что это удобный способ использования исторических изменений для анализа и объяснений известных языковых явлений. Он необходим для объяснения делимости корня ономатопа.

Как видим, исследователи по-разному называют составную часть корня ономатопа: «корнеобразующие морфемы», «формансы», «наращения», «словообразовательные и формообразующие морфемы», «деривационные суффиксы», «структурные элементы». Однако более точным определением, на наш взгляд, является все-таки определение, данное Ворониным, – «звукосимволический формант». Это определение учитывает звукосимволическую природу корня ономатопа. Исследователь считает, что в звукоизобразительной системе элементы разных уровней могут объединяться. Например, можно выделить «фономорфемный» класс, а в нем – «плавный – итеративный формант» [2, с. 118].

Итак, корень корейского символического слова содержит структурный элемент, называемый звукосимволическим формантом. Последний имеет следующие особенности:

а) звукосимволические форманты, подобные формообразующему аффиксу, этимологически связаны с корнем ономатопа;

б) звукосимволические форманты нельзя вычленил в результате обычного морфемного анализа, он в отличие от обычных аффиксов не участвует активно в процессе образования форм слова;

в) звукосимволические форманты можно отделить от корня в процессе расширения форм ономастов.

Таким образом, корень ономатопа обладает сложной структурой, являясь единицей плана выражения, соотносимой с единицей плана содержания, не является минимальной морфологической единицей. Минимальной единицей плана выражения, соотносимой с планом содержания в символической лексике, является акустический фонемотип, который схож с морфемой незвукоизобразительной лексики [Воронин].

Сложная структура корня ономастопозитического слова обуславливает необходимость двойного подхода при изучении символической лексики. Говоря о синестемии, процессах деривации, редупликации и т.п., можно выбрать в качестве единицы само символическое слово, а точнее, его корень, который рассматривается как единая морфема. А процессы расширения форм требуют исходить с позиций отделения звукосимволического форманта от корня.

Литература

1. Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании // Очерки и извлечения. – Л., 1990.
2. Воронин С.В. Основы фоносемантики. – М., 2006.
3. Шагдаров Л.Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. – Улан-Удэ, 1962.
4. Чиронов С.В. Ономастопозитические слова в современном японском языке. – М., 2004.
5. Ли Мунгю. Фонологическое и морфологическое исследование корейских символических слов. – Тэгу, 1996.
6. Ко Ёнгын. Что такое морфема? – Сеул, 1992.

Жанчипова Дэнсэма Булатовна – старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока Бурятского государственного университета. 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 25, e-mail: densema@rambler.ru

Zhanchipova Densema Bulatovna – senior teacher of department of philology of Far East countries, Oriental faculty of BSU. Ulan-Ude, Pushkin str., 25, e-mail: densema@rambler.ru

УДК 390(=942) + 415.4 (=942)

Б.Р. Зориктуев

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕМОНГОЛЬСКИХ ТЕРМИНОВ *КИЯНИ* *КИЯТ*

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-00569 а/Г

В статье разработан неизученный вопрос о происхождении древнемонгольских терминов киян и кият. Приведенные автором аргументы не оставляют сомнений в том, что они этимологически связаны с самоназванием монголов. Исследование проведено в тесной связи с проблемой Эргунэ-куна, являющейся одной из ключевых в мировом монголоведении.